

Софизмы против сафизма

Однажды Пегасу попала шлея под хвост. Шлея — это часть конской упряжи, которая удерживает на месте хомут. Встав на дыбы, Пегас обрушился на первого попавшего на пути старика, серьезно забив ему причинное место.

На беду, старик оказался основоположником психоанализа. Путь — тропой вдохновения, а Пегас — пристяжным конем в колеснице муз, тех самых, которые долго объезжали стороной старика, игнорируя его просьбу покататься на Пегасе.

В отместку музам он и заявил, что женщины — это кастрированные мужчины, а побудительные причины каждого их действия, бездействия и, конечно, стремления к замужеству, объясняются так называемой "*penis envy*" — завистью к неотрезанным мужским гениталиям.

Это сногшибательное заявление, несмотря на то, что его автору так и не удалось оседлать Пегаса, уже второй век репрезентует нашу фаллоцентрическую цивилизацию.

Но фрейдовская логическая цепочка: "Женщина хочет замуж; муж имеет фаллос; таким образом, посредством замужества женщина хочет добыть себе фаллос", — на самом деле представляет собой софизм.

Софизмы — это короткие псевдологичные цепочки, которые убедительно выдают за истину какой-нибудь абсурд или нелепость. Еще приемный отец софистики Протагор признавал, что главное для софиста — не истина, а практическая выгода, и потому он должен при помощи хитроумных уловок в рассуждении представить сильным любой слабый, но выгодный ему аргумент.

Например так: "Полупустое — это то же, что и полуполное. Если равны половины, значит, равны и целые. Следовательно, пустое — это то же, что и полное". Соответственно, если полупенис есть то же, что и полуфаллос, то пенис — это и есть фаллос. Так слово "фаллос" стало эвфемизмом для обозначения пениса.

По латыни *penis* — это хвост. Хвост — это хоть и рудимент цивилизации, но реальность. Фаллос же — это идея. Несбыточная для человечества идея перпетуальной эрекции, обладающей особой магией и силой.

* Элана — литературный псевдоним Эланы Соколовой, прозаика и психолога. Одесситка, она сейчас живет и работает в Вашингтоне. В Одессе вышла ее книга "Женщина: мессия или миссия". Сейчас Элана работает над второй книгой, которая также будет опубликована в Одессе.

Вначале фаллосом называлось изображение — нарисованное, высе-
ченное в камне, вырезанное из дерева, — постоянной эрекции, то есть при-
нятие желаемого за действительное. Так как наша цивилизация является
фаллоцентрической, то есть сконцентрированной на желаемом, а не на
действительном, то софистика, доказывающая тождественность пениса
фаллосу, не могла не польстить мужчинам.

Мужчины и софизмы нашли общий язык еще и потому, что подобное
тянется к подобному: если одни из них поверхностны — то и другие тоже
страшатся глубины. Одни из них кратки — и другие боятся длительности.
Одни из них сухи — и другие сторонятся эмоций. Одни из них обманчи-
вы — и другие опасаются правды.

Но главное — одни блестят так, что помогают другим отзеркалить от
себя свою собственную зависть.

Чему же завидуют мужчины?

Новые психоаналитики открыли, что фрейдистские софизмы отражают
мужскую зависть не к способности женщин рожать, как считалось ранее
(процесс родов как раз не отличается в условиях фаллоцентризма завидной
привлекательностью), а к способности творить людей задолго до их зачатия.

По мнению биохимиков, на клеточном уровне будущий человек испы-
тывает все химические реакции своей будущей матери на окружающий ее
мир. К моменту зачатия глубинное подсознание ребенка уже во многом
сформировано жизненным опытом матери, ее мыслями и чувствами,
людьми, с которыми она общалась, ее ритмами. У единоутробных сестер
и братьев схожая ткань подсознания, к которой отцовские хромосомы не
имеют никакого отношения.

Но они имеют отношение к другому. На ранней стадии эмбриогенеза
все зародыши обладают женским генитальным аппаратом: миниатюрны-
ми яичниками, маткой и половыми губами с желобком по краям. Если они
продолжают развиваться вместе с зародышем, то зародыш становится де-
вочкой. Если же они останавливаются в развитии и срстаются — то полу-
чается мальчик. Следы сращения остаются у него в виде шва, который тя-
нется через середину мошонки и промежности. Остановившаяся в разви-
тии матка становится простатой.

Таким образом, не женщина является кастрированным мужчиной,
а мужчина — стерилизованной женщиной. И стерилизация эта происхо-
дит на генном уровне благодаря отцовской хромосоме Y. В начале разви-
тия зародыша именно она останавливает в развитии потенциальную дочь,
превращая ее в сына.

Таким образом, мужчина является остановившейся в развитии женщиной.

В пчелином царстве остановившаяся в развитии личинка царицы становится рабочей пчелой. Она строит соты, приносит с цветов нектар и пыльцу, выкармливает детей, поддерживает чистоту в улье. Рабочая пчела живет для царицы, а не стремится поменяться с ней местами, так как в природе нет псевдологика. И потому у рабочей пчелы не вырастают крылья.

Но псевдологика дает крылья мужчине. Обиженный музами Фрейд заявил: "Женщина жаждет получить фаллос, но в результате замужества получает ребенка. Ребенок удовлетворяет жажду женщины, следовательно, ребенок заменяет ей фаллос". Этот софизм кажется смешным, но он не просто ставит фаллос на уровень человека, но и одушевляет его.

Без комментариев ясно, что никогда и нигде никакая мать не отождествляла своего ребенка с фаллосом. Зато именно мужчина относится к пенису как к дитяти, по причине неспособности создать настоящее дитя, чья кровеносная система была бы связана с его собственной и чье тело произрастало бы из его тела.

Эта неспособность дает ему ощущение пустоты и ущербности. Его страшит, что, приблизившись, женщина увидит эту пустоту. И уйдет. А страх быть покинутым женщиной восходит к первичным страхам бытия, когда ее присутствие означало тепло, пищу и жизнь, а отсутствие — холод и смерть.

Мужчина не чувствует в себе перерождения, потому его страшит окончательность смерти. Чтобы не дать женщине увидеть его страх, он старается не дать ей приблизиться, держит ее на расстоянии, не пускает за возведенные им стены.

Или покидает ее первым.

Этим он сам лишает себя любви и становится "вещью в себе", изолированной и одинокой. Эту вещь он с гордостью называет "настоящим мужчиной", а свое глубинное одиночество — "мужественностью".

Мужественность — это искусственная псевдологичная конструкция фаллицизма. В военное время она означает готовность убить человека. В мирное — готовность убить его в себе. Эта конструкция заставляет мужчин глубоко хоронить свои человеческие качества и эмоции, потому что он ассоциирует их с другой искусственной псевдологичной конструкцией — женственностью.

Женственность, согласно фаллицизму, это слабость. Слабость — это недостаток. Так как все недостатки — это продолжения наших достоинств,

то на помощь опять приходит псевдологика, представляющая слабое сильным, а сильное слабым.

Выражение "слабый пол" появилось в конце XVII в. — в эпоху корсетов, кринолинов и искусственных обмороков. С тех пор женственность обязывает женщину быть не только глуповатой и беспомощной, но и неестественно одетой. Высокий каблук — это символ ее патриархального отрыва от земли, то есть от природы.

Отрыв от природы называется цивилизацией. Цивилизация ставит женщин и мужчин на не предназначенное им природой место. Она одаривает Адама характеристиками Евы — смелостью, любознательностью, активностью, независимостью, логикой, решительностью, объективностью. Неудавшихся женщин цивилизация меняет местами с фрейдовскими *nottes manques*.

Однако, производя эту замену, она взваливает на мужчин груз, который они нести не в состоянии. Мужской организм не приспособлен к перегрузкам цивилизации, его нервная система и психика страдают от постоянных попыток быть тем, чем он быть не может.

От этого стресса он надеется спастись внутри женщины, в то же время не пуская ее внутрь себя, чтобы не дать ей увидеть там его страх. И потому, ускользая от глубокого сближения с одной, он поверхностно сближается со многими.

Мужскую гиперсексуальность объясняют тем, что его инстинкты со времен приматов осталась чисто-репродуктивными. Это объяснение — очередной софизм. "Власть отцов" всегда стремилась свести все побудительные причины человечества к репродукции, опуская человека до уровня одушевленного фаллоса.

Мужская гиперсексуальность — это отчаянная попытка доказать самому себе главный постулат фаллицизма: ценность фаллоса. Но доказательство не приводит его к цели, потому что он пытается доказать ложный постулат. Так как он доказывает ложный постулат, он "должен" доказывать его снова и снова.

Выбиваясь из сил, он развивает все больше неврозов и фобий; его пугает мир, потому что он "должен" его покорять. Его пугают женщины, потому что он "должен" их превосходить. Его пугают мужчины, потому что он "должен" воевать с ними за место в иерархии. Его пугает эмоциональность, потому что она ведет к правде, и больше всего его пугает правда, потому что она не на его стороне.

Правда же состоит в том, что фаллоса нет, а есть пенис, который на са-

мом деле контролируется женщиной. И его обладатель, как и он сам, всю жизнь чувствует необходимость состоять под ее контролем.

Каждый "настоящий мужчина" в глубине души отчаянно жаждет, чтобы мудрая Мама заботилась о нем, позволив ему забыться в ее объятиях, и только играть, спать, кушать и пить — то есть "делать что хотеть" и не быть никому ничего должным. Мужчину тянет к женщинам потому, что в его глубинном подсознании остался импринт огромного защитного потенциала той, внутри которой он созрел. С ее помощью он надеется спастись от невыносимого для него груза "мужественности" и стать самим собой.

В каждой новой женщине он ищет потенциальное спасение. И каждая действительно по мере сил спасает его. Одна — несколько минут, другая — несколько месяцев, но ни одна не может сделать этого навсегда. Потому что спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

С этим связаны все выдуманные мужчинами культы "спасителя": вот придет, мол, некто — и спасет. А некто не приходит, потому что его нужно спасать самого. Но на пути спасения мужчин от давящей их искусственной мужественности встает искусственная женственность. И если жизнь начинается задолго до зачатия, то девочки впитывают свой гендерный стереотип не с молоком матери, а намного раньше — с ее биохимическими внутриутробными коктейлями. И потом в процессе социализации они все больше убеждаются в своей слабости и второстепенности.

Потому спасение не наступает... Если "человечность" — это признак слабости и второстепенности, то мужчина прячет свою душу за щитом эгоизма и агрессии. И иногда прячет так, что уже не может найти никогда.

Современная психология говорит, что страх — это основа агрессии. И не обязательно физической. Живя в постоянном страхе быть разоблаченной женщиной, мужчина часто наносит ей так называемый "превентивный удар": удар эмоциональный. Моральный. Или физический. Этим он и разоблачает себя, доказывая ей свою пустоту.

И тогда она отвлекается наконец от навязанной ей фаллоцивилизацией изнурительной погони за несбыточным и начинает открывать в себе свою естественную природу.

Женщины до сих пор умеют, любят и главное — не боятся общаться. Они делятся чувствами, мыслями и стихами. Они поддерживают друг друга в беде, вместе плачут и смеются. Дарят друг другу подарки. Дают житейские советы. Они до самых Марианских впадин открывают друг другу сердца и души.

И, случается, женщины находят в женском обществе столько душевного понимания и поддержки, что становятся очень близки друг другу. Так близки, как никогда не были близки ни с мужьями, ни с детьми, ни с родителями, потому что женщин не пугает ни глубина, ни правда, которая всегда на их стороне.

В распиаренном мужчинами бытовом понимании под любовью женщин друг к другу имеется в виду замещающий вид эротизма, вызванный отсутствием "нормальной" сексуальности. Конечно же, "нормальной" в мире фаллоцентризма считается лишь сексуальность, сконцентрированная на фаллосе. Он утверждает, что между женщинами не может быть ни любви, ни даже дружбы, а настоящей целью их взаимонаправленности является разжигание интереса мужчины.

Но когда новые психоаналитики, наконец, поставили в центр внимания не мужскую, а женскую природу, они были поражены, насколько она интенсивна, избыточна и не скована никакими границами. И если для мужчины природа предназначила служить женщине — то естественная природа самой женщины не ограничена ничем.

Если, к примеру, представить мужчину Солнечной системой, тогда женщиной становится вся Вселенная, с созвездием Андромеды, с Большой Медведицей, с бесчисленным количеством галактик, солнц и лун внутри нее. Она сама не знает своего потенциала. А Солнечная система — это хоть и неотделимая, но ограниченная часть Вселенной. И лишь потому, что Вселенная непостижима для человеческого понимания, Солнечная система не становится ее центром.

По мнению радикальных феминисток, когда-то амазонки захватили несколько греческих островов и основали на них колонии, посвященные поклонению женским принципам, как позже христианские монастыри посвящались поклонению мужчине. Это была территория свободных от мужчин женщин Средиземноморья.

Но историко-археологические данные доказывают, что амазонкам не было необходимости захватывать эти острова, потому что культура Крита, Сицилии, Родоса, Лесбоса и др. и так была эгалитарной. Социальный статус женщин был высоким, свобода неограниченной, а имущество наследовалось по женской линии.

Испокон веков на этих островах, как и в некоторых других областях Греции, процветал культ бережных чутких отношений, а также интуитивных — так называемых "непроникающих" — видов эротизма.

Душа — это чувства и больше ничто, таким был девиз свободных женщин Средиземноморья. В их мире также бурно развивалось искусство общения и утонченной эротики; существовало искусство довести собеседницу до оргастического экстаза мелодией, песней, оригинальной мыслью, тонким разговором. "Женщины любят ушами" — дошло к нам именно из того времени, в котором процветало устное творчество.

На весь античный мир гремели имена очаровавших его поэтесс и мыслительниц: Эринна с острова Родос, Телесилла из Аргоса, Коринна из Беотии, Праксилла с Коринфского залива, Анитэ из Аркадии, Носсис из города Локри — это лишь несколько из чудом дошедших до нас имен.

Сегодня эти женские имена известны лишь специалистам и любителям античной литературы.

Но есть имя, которое знают почти все. В основном, потому, что фаллицизм связал с ним то, что сам зачислил в реестр патологий и девиаций, требующих психиатрической помощи: симптомы интереса женщин друг к другу (интереса, сконцентрированного не на привлечении мужчин) фаллическая медицина назвала сафическими, а сам такой интерес получил название сафизма.

Знаменитая Сафо, или Сапфо, была поэтессой песенной лирики — "мелики" (от "мелос" — "песня"). Хотя, в основном, песни Сафо дошли до нас в виде цитат в трудах авторов-мужчин, но любовь женщин друг к другу была названа ее именем, потому что именно она осталась в истории первой из последних представительниц женской свободной мысли. Той безгранично-чувственной мысли, которую апологеты фаллицизма вскоре ограничат лишь сексом, потом извратят, а еще позже растопчут, раздавят и уничтожат.

Сафо родилась около 620 г. до н. э. в Митиленах — крупнейшем из городов Лесбоса, от которого и пошло второе название. До нас не дошло никаких фактов о ее происхождении. При углублении в сохранившиеся отрывки можно предположить, что родилась она в высокопоставленной семье, потому что получила блестящее образование. Но опять же, в нефаллических обществах высокий уровень образования был доступен всем, так как эти общества не делились по вертикали от безграмотных рабских низов до элитной верхушки. Эолийцы, к которым принадлежала Сафо, были одним из самых образованных и музыкальных народов Средиземноморья.

Сафо познала громкую славу еще при жизни. Вся Греция стонала от восторга перед ее гением, ей ставили статуи, ее лицо чеканили на монетах.

"Сафической строкой" был назван тип чередования ударных и безударных слогов ее песен. Ее уважали Алкей, Плутарх и другие великие люди древности. Мудрый законодатель Солон, услышав на пиру одну из песен Сафо, воскликнул: "Я хочу выучить это и умереть!".

Поэтической форме Сафо подражал Гораций, высоко ценивший эолийскую лирику, и "певец страстей" Катулл. Платон произвел ее в "Десятые Музы". Овидий в "Науке любви" советовал молодежи изучать песни Сафо. Сократ считал ее своей "наставницей в любви".

А любовь была для Сафо "сладостно-горьким чудовищем, от которого нет спасенья", бездной, стихией. Действие ее поэм происходит у журчащих прохладных ручьев, среди деревьев священной рощи Богини. Природа сливается в них с чувствами, а чувства — с мелодиями. Ее слова поражают обнаженной искренностью:

...Огонь под кожей, звон в ушах,
Нежный огонь разливается в моей груди,
Когда я вижу тебя
И с душой, полной сомнения,
Я безмолвствую..."

По поводу отношений Сафо к женщинам с древности существовали разные суждения. Во-первых, современницы и современники Сафо считали "непроникающую" чувственность естественной частью жизни. Лукиан писал в "Диалогах", что женщины Лесбоса действительно предпочитали утонченный эротизм примитивной физиологии, и Сафо нашла "непроникающую проникновенность" в обычаях своей страны, а не изобрела сама.

Во-вторых, современные исследователи считают, что хотя Сафо была лесбийкой всегда, но лесбиянкой ее сделали лишь после смерти. Начало этому положили афиняне. Они относились к свободе эолийских женщин с точки зрения своей фаллической реальности. Не понимая смысла поэзии Сафо, но завидуя ее славе, афинские комики добивались популярности высмеиванием стихов "фиалкокудрой" поэтессы, ее жизни и даже внешности.

Позже женское свободомыслие стало виновно во всех проблемах фаллоцивилизации: "Лесбиянизм способен подорвать стабильность нашего государства", — говорили афиняне. Эстафету подхватили римляне. "Падение империи начинается с падения женщины". Конечно, с ее падения в лесбиянизм.

Но на самом деле любовь к природе или музыке не отличается от любви к человеку. По крайней мере, не отличалась в нефаллических обществах, в которых акцент ставился не на физиологии, а на отношениях — то

есть на бережности и чуткости по отношению и к людям, и к животным, и к деревьям.

Пол имеет значение лишь для репродукции, не больше. Но если репродукция окрашена Отношением, то рождаются хоть люди, хоть быстроногие скакуны с самым высоким потенциалом.

Сафо воспевала многогранное чудо женской природы, а вовсе не однополую физиологичность и плотское гомосексуальное влечение. Позже поэтессу превратили в лесбиянку людские примитивность и невежество, несмотря на то, что многие из ее сохранившихся строк рисуют ее матерью и женой, а некоторые, например, "Гимн Афродите", ясно говорят о любви к юношам.

"...Афродита!

Ты помнишь, сколько раз

Ты с трона своего шла на мой зов?

Однажды моим взорам предстала

Твоя колесница, которую влекли быстрые птицы,

И ты опустилась с небесного свода,

Ты хотела тогда, любимая богиня,

Узнать мое горе, исполнить мои желания.

"Сафо", — говорила ты мне, смеясь:

"Моя Сафо, какая обида вызвала твое горе?

Страстью какого неблагодарного юноши хочешь ты завладеть?

Иди! Тот, кто бежал тебя, будет следовать за тобой,

Кто отвергал твои дары, будет их добиваться,

И ища в твоих глазах или своей погибели, или твоей милости,

Твой гордый враг будет дрожать перед тобой!.."

К сожалению, мы не можем в полной мере оценить гений Сафо, потому что античная музыка не дошла до нас, а именно эффект сочетания ритма слов с мелодией и доводил до экстаза ее слушателей.

Она выражала себя не только в песнях. Сафо возглавляла в Митиленах школу риторики, которая была так знаменита, что люди приезжали из дальних земель лишь для того, чтобы услышать ее. В этой школе учили размышлять и излагать свои мысли, избегая догм. Позже мужчины назвали эту школу "школой гетер".

"Человек есть мера всех вещей" — это было сказано женщинами-философами за сотни лет до Протагора, который остался в истории лишь потому, что под "человеком" стал подразумевать "мужчину". Позже мужчины растащили по своим трудам мысли и открытия женщин-философов, и назвали их софистикой.

В нефаллических обществах не было истины, единой для всех. Мыслительницы учили, что истина у каждого своя, потому что все люди мыслят по-разному, исходя из своего разного жизненного опыта, и это ведет к принятию того, что все относительно. Из этой всеобщей относительности складывается общая картина мира. Потому глупо сражаться друг с другом за одну универсальную истину — ведь ее попросту не существует.

Относительность была основой их мировоззрения. Позже софисты Протагора за деньги выворачивали ее наизнанку и становились субъективистами, индивидуалистами и скептиками на платной службе фаллицизму.

С их помощью он приспособил древнюю философию для пропаганды своих ценностей.

При всей ее страстности, в стихах Сафо нет ни вождения, ни похоти. Нигде нет даже намек на физиологичность. Фаллицизм же с помощью софистики ставит во главу угла не просто неодушевленного мужичка, но неодушевленного мужичка с одушевленным фаллосом. Он воспринимает женское равнодушие к фаллосу, даже периодическое, как смертельную угрозу своему существованию. И потому наносит "превентивный удар" по природе жизни — софизмами по сафизму.

Под его ударами изысканное искусство вербального и интеллектуального эротизма уступило место грубой пошлости. Поцелуй — важный источник интуитивной информации, передаваемой дыханием, вкусом и запахом (чувствительность губ в 200 раз выше чувствительности пальцев), — стал карикатурой на себя, вульгарным прикосновением широко открытого рта.

Замученные фаллицизмом люди стали неспособны к интуитивному эротизму. Фаллическая наука веками постулировала, что настоящий мужчина (тот неодушевленный мужичок) "должен" осчастливить женщину "мужественностью" фрикций, не прибегая ни к каким другим эротическим воздействиям. И женственная женщина обязана осчастливиться...

Это противоречит законам природы. Когда в XIX веке было определено, что почти 90 процентов женщин знают лишь клиторальный оргазм, для которого мужественность фрикций — что мертвому припарки, тогда фаллицизм сел в лужу. Ненадолго. Подоспел ушибленный Пегасом Фрейд и с помощью софистики объявил клиторальность инфантильностью. Подмоченный фаллицизм поднялся и радостно заплодировал.

Но женская природа живет по своим особым законам, вне зависимости от того, признаются эти законы или отрицаются. Известно, что незна-

ние законов не освобождает от ответственности, в данном случае, от ответственности перед природой.

От природы и было неотделимо творчество средиземноморских женщин. С началом классического периода оно сошло на нет. Свободные поэтессы и мыслительницы цвели в расцентрализованных культурах и увядали под давлением вертикальной централизующей силы.

В начале III в. до н. э. в Мусейоне — знаменитой Александрийской библиотеке — аккумулировались папирусы с копиями самых известных работ. Именно в это время Сафо была признана величайшей лирической поэтессой всех времен и народов, а ее поэмы канонизированы.

В Мусейоне хранились все Девять Книг Сафо. По сохранившимся свидетельствам, одна из этих Девяти Книг содержала 1320 рукописных строк. Все они погибли в огне пожара, уничтожившего другие бесценные книги Мусейона. Тем не менее, в других библиотеках копии книг Сафо хранились еще долго.

С наступлением на Европу средневекового мракобесия — примерно с IX в. — все эти копии исчезли. По легенде, они были сожжены раннехристианскими фанатиками. Из тех, которые погубили Ипатию. Но никакой точной информации о том, кто именно сжег ее книги, до нас не дошло. Ко времени Ренессанса имя Сафо дожило лишь благодаря мимолетным упоминаниям в работах авторов-мужчин.

Но можно ли верить мужчинам, которые так никогда и не объяснили нам причин уничтожения книг Сафо и сохранения, например, книг Гомера?

Гомер жил за несколько веков до Сафо. Протагор жил через полтора века после нее. Многостраничные труды обоих этих мужчин сохранились, несмотря даже на то, что книги Протагора сжигались из-за их близости к сафизму. А от поэм Сафо дашло до наших дней 213 фрагментов, и большинство лишь длиной в две-три строки.

Куда же делись ее Книги — все Девять? Был ли эпос Гомера талантливее, чем лирика Сафо, или война важнее любви? В школах изучение русской литературы начинается со "Слова о полку Игореве", а мировой — с "Илиады". Высшие идеалы человечества воплощает военная литература. Сафо и ее плеяда исключены из школьного курса, потому что читать о журчащих ручьях и любви неприлично. Прилично читать об оружии и насильственной смерти.

Это и есть главный убийственный софизм нашей милитаризированной цивилизации.

XX век не только полностью вернул Сафо ее место в истории, но и открыл нам путь к осознанию. Идти по нему в XXI веке или нет — это наш выбор. Конечно, нам далеко до безграничного свободомыслия людей древности — мы по рукам и ногам повязаны фаллической софистикой. Но настоящая любовь софистике не подчиняется, будь то любовь к миру, растению, музыке или человеку: в ней главное — отношение.

Это тот главный закон природы, про который забыли, и Сафо — это доказательство, потерянное во времени. Но истинное никогда не теряется навсегда, оно возвращается, как трава весной, как почки на деревьях, как сама жизнь.

И потому все дороги ведут обратно к ней.

"...Музы дали мне

Много-много счастья в моей жизни

И потому, когда я умру,

Я не буду забыта никогда..."

Вашингтон

